

Кудюкин П.М.

Что там у белорусов?

Отношение многих внешних наблюдателей к происходящему в Беларуси можно описать несколькими фразами разной степени остроумности.

«Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны» (А.Т.Твардовский).

«Всегда найдутся эскимосы, которые напишут для

конголезских негров инструкцию, как вести себя во время жары» (С.Е.Лец).

«Настоящие революционеры» – как генералы, которые готовятся к позапрошлой войне и только лучшие из них – к прошлой. И, понятное дело – любая реальная революция для них неправильна» (собственное творчество автора этих строк).

В социальных сетях кипят страсти.

Немало злорадствующих: «Да они ещё в августе всё проиграли!» И частенько невозможно понять: это те самые «настоящие революционеры», которые лучше участников событий «знают, как надо» – или вполне убеждённые консерваторы, которые считают, что любые изменения к худшему? Может быть, странный симбиоз того и другого. Трудно иначе оценить типичную фразу: «Я не фанат Лукашенко, но если он уйдёт, придут проклятые неолибералы-змагары, всё продадут полякам/пиндосам/Евросоюзу (нужное подчеркнуть, можно и все три позиции сразу), сохранённую Лукой жемчужину советской промышленности погубят».

Встречаются и всепропальцы, плачущие: «Протест сдувается! Нет у них средств свергнуть Лукашенко!»

Радикалы: «Диктатуру шариками не победишь!» «Учитесь у украинцев!» «Вы что, молотов-коктейль сделать не можете?» Впечатление, что уж эти-то комментаторы не менее полудюжины диктатур лично завалили и освободили политзаключённых из сотни тюрем.

Всё это напоминает комментарии болельщиков, которые сами-то не играют, но очень хорошо знают, как выиграть. «Ну, кто ж так бьёт? Мазила! «Ты что, пас нормально отдать не можешь?» С обязательным итоговым «Судью на мыло!» На самом деле ситуация производит

впечатление патовой.

Протест вовсе не сдувается. И не спадает. Беларусы продолжают массово и регулярно выходить на улицы. Не только Минска. Что ново и очень важно, во всех областных центрах и даже в небольших городах. Звучат заявления в поддержку протестующих от всё новых и новых профессиональных групп и от селебритис. Стремительно развивается самоорганизация по месту жительства. Беларусы проявляют фантастический на фоне других постсоветских (да и не только) обществ уровень низовой солидарности. Количество подписчиков телеграм-каналов, превратившихся в инструмент общественной координации, достигает от двух до четырёх миллионов человек. При десятимиллионном населении страны. (Надо, правда, учитывать, что от четверти до трети подписчиков – жители соседних стран и беларусы из-за рубежа.)

Но и режим Лукашенко не проявляет признаков близкой капитуляции. Серьёзного раскола элит ещё не наблюдается. Полицейские структуры – милиция, ОМОН, КГБ, внутренние войска, спецподразделения МВД – пока что послушно и даже с энтузиазмом выполняют приказы. Они не в состоянии разогнать массовые шествия и действуют в основном на начальных и конечных этапах. Когда люди только собираются или уже расходятся. Летальные средства пока что не применяются, из огнестрельного оружия стреляют пока только в воздух. Хотя раненые и даже убитые уже есть. Но водомёты, светошумовые гранаты и резиновые пули против мирных протестующих, которые не бросаются камнями или бутылками с зажигательной смесью, почти не пытаются строить баррикады, не переворачивают и не жгут автомобили, не устраивают погромов – явно непропорционально.

Провластный массовый митинг 26 октября Лукашенко провести не решился. Официальная причина – не создавать опасности массовых заражений коронавирусом и предотвратить риск паники из-за гипотетических терактов (кто бы только их совершал?). Другое частое объяснение – массовый отказ людей в регионах ехать в Минск для участия в этом мероприятии.

К ужесточённому подавлению режим тоже не готов. Хочется верить, что по крайней мере в Европе нравы достаточно смягчились, чтобы даже диктаторы соблюдали некоторые приличия. Армейские части в городах? Если не приказывать им стрелять – бессмысленно. Если приказывать – возникает риск появления беларусских унтеров Кирпичниковых и капитанов Салгейру Майя.

Вспоминается старое выражение Льва Троцкого – ситуация двоебезвластия. В таком положении сделавший первый выстрел с большой вероятностью проигрывает. Ситуация осложняется тем, что обе стороны противостояния постоянно вынуждены оглядываться на «великого восточного соседа». Где влиятельные силы непрочь использовать удобный повод для создания «Белорусского федерального округа». Де-факто или даже де-юре.

Обе стороны попытались переломить ситуацию, обменявшись «выстрелами» символическими. Лукашенко – изобразил подобие диалога. Визит в «Американку» (СИЗО КГБ РБ) и разговор с группой политзаключённых, потом освобождение самых податливых и попытка использовать их в фарсе с «подготовкой конституционной реформы». Характерно, что во встрече не участвовали наиболее радикальные и авторитетные из заключённых оппозиционеров – **Мария**

Колесникова, Павел Северинец, Николай Статкевич, Сергей Тихановский (они принадлежат и к «старой», и к «новой» оппозиции). Неуклюжие манёвры выпущенного под «домашний арест», но при этом ухитрившегося выступить даже по российскому телевидению **Юрия Воскресенского**, который раздувал щёки и пытался изобразить из себя весомую фигуру на политической шахматной доске, лишь окончательно дискредитировали этого и без того весьма «мутного» деятеля.

Избранный президент по версии протестующих **Светлана Тихановская** ответила ультиматумом – до 25 октября выполнить три основных требования: уход Лукашенко, прекращение насилия на улицах, освобождение всех политических заключённых и задержанных за участие в протестах. Ультиматум должен был быть поддержан очередными массовыми маршами в прошедшее воскресенье, которые состоялись, сопровождаемые повышенной активностью силовиков. В случае невыполнения Тихановская призвала к общенациональной забастовке с понедельника 26 октября.

Получился ли этот «выстрел», ещё сегодня не вполне ясно. С утра 26 октября начались частичные остановки производства и собрания рабочих на Минском тракторном, Минском электротехническом, Минском заводе колёсных тягачей (единственный производитель тягачей для российских ракетных войск),

предприятия «Атлант» (производство холодильников). Есть информация об остановке некоторых установок на «ГродноАзоте». Всего называлось около сотни точек, где начинались забастовки или делались попытки их организовать. Довольно массово поддержали забастовку студенты минских вузов, многие из них присоединились к маршу пенсионеров. Кое-где забастовки идут в организациях сферы обслуживания.

Начались сбои графика на линиях «Беларускай чыгункі» (железных дорог), но до реальной забастовки там, похоже, дело не дошло (по крайней мере, пока). Такая забастовка была бы действительно серьёзным ударом по режиму. Дело в том, что забастовки на большинстве предприятий, сколь массовыми они ни были бы, имели бы в основном символически-политическое значение. С учётом накопленных товарных запасов особого экономического ущерба они не принесут.

Пока что мы наблюдаем скорее символическое перетягивание каната или «войну картинок». Власти утверждают, что никаких заметных стачек нет, и всё работает в обычном режиме. Одновременно идёт запугивание катастрофическими экономическими последствиями коллапса производства (озабоченность выразил даже пресс-секретарь президента РФ). Протестующие говорят и пишут про остановки производства и присоединение в забастовке новых групп рабочих. СМИ добавляют путаницы, порой называя «забастовками» цепочки солидарности и шествия. Хотя если последние перерастут в «снятие» рабочих с работы

(классическая методика расширения участия в стачке), в развитии событий может произойти сдвиг. Будет ли забастовка реально расширяться, сейчас трудно сказать. Но чаще всего в странах, где нет устойчивой традиции и культуры стачек, уж если они начинаются, то распространяются как лесной пожар. Во всяком случае, в масштабах города. Так было

в Новочеркасске 1962-го, в шахтёрских регионах СССР летом 1989-го, в самой Беларуси апреля 1991-го. Тем более так должно быть сейчас при принципиально ином уровне коммуникаций. В эпоху соцсетей и мессенджеров. С учётом этого обстоятельства можно предположить, что забастовка как всеобщая скорее не состоялась. Во всяком случае, на данный момент.

Это – серьёзное символическое поражение протеста. Но ситуация может и измениться. Одним из факторов является чисто политический характер призывов Тихановской. При том, что у белорусских работников есть весьма серьёзные социальные проблемы. Связанные с особенностями трудового законодательства в республике – годовые трудовые контракты у более чем 90 % работающих, запрет на увольнение по собственному желанию в период действия контракта, система драконовских штрафов...

Вообще возникает впечатление, что у людей, не слишком искушённых в вопросах рабочего движения, слишком облегчённое представление о том, как начинаются забастовки. Буквально «по щелчку» авторитетного лидера. Такую ошибку совершил, например, А.Д. Сахаров, призвав к всеобщей политической стачке в декабре 1989 года. Очень высока вероятность, что такую же ошибку сделала и Светлана Тихановская.

Что оказывается спусковым механизмом стихийных массовых забастовок – вещь несколько загадочная. Это не столько социально-экономические трудности, а скорее какие-то внешне незначительные события, оскорбляющие человеческое достоинство работников. Типа «жрите пирожки с ливером» в Новочеркасске или отсутствия мыла в раздевалке в Кузбассе.

Другой вариант возникновения массовой забастовки – устойчивая традиция, постоянная «забастовочная гимнастика», если слегка перефразировать известного испанского анархиста Буэнавентуру Дуррутти. Наиболее яркий пример – всеобщая политическая стачка октября 1905 года в Российской империи, ставшая кульминацией длинной забастовочной волны как минимум с середины 1890-х годов. Следует добавить, что к моменту начала стачки в отраслях, сыгравших решающую роль, активно действовали профессионально-политические союзы железнодорожников и почтово-телеграфных служащих. В Беларуси, несмотря на уже упомянутые массовые забастовки 1991 года и стачечные бои второй половины 1990-х устойчивая традиция не сформировалась. Хотя среди лидеров

демократических профсоюзов есть ветераны тех событий. Наличие сильных, боевых и авторитетных профсоюзных организаций – третий вариант успешной организации всеобщей стачки. С этим в стране дело обстоит довольно печально.

Крупнейшим профобъединением является **Федерация профсоюзов Беларуси**, наследница Белорусского республиканского совета профессиональных союзов, входившего в систему ВЦСПС. Она насчитывала до августа несколько более 4 миллионов членов при 4,3 миллионах работающих (нужно учитывать, что в профсоюзах состоят и пенсионеры). Структура полностью огосударствленная, последние остатки символической независимости были уничтожены в 1999–2001 годах. Характерно, что нынешний председатель Федерации **Михаил Орда**, по сути дела назначенный на должность в 2014 году, имел сугубо бюрократическую биографию (кроме ранней молодости). Был руководителем избирательного штаба Александра Лукашенко на последних выборах. Федерация как раз выдвинула кандидатуру Лукашенко.

У ФПБ традиционная для пост-ВЦСПСовских профсоюзов структура – 15 отраслевых профсоюзов, семь региональных объединений (шесть областей и Минск), сеть городских и районных организаций. Несколько лет назад Лукашенко заявил, что профсоюзы должны присутствовать во всех хозяйствующих организациях – нетрудно догадаться, в какое объединение эти «обязательные» профсоюзы входят. ФПБ находится в полной международной изоляции, не являясь членом ни одного из международных профсоюзных объединений. С ФПБ гнушается общаться даже аналогичная по генезису Федерация независимых профсоюзов России (принявшая в августе довольно радикальное заявление солидарности с белорусскими трудящимися).

После жестоких разгонов акций протеста в августе некоторые из отраслевых профсоюзов приняли робкие заявления, призывая отказаться от насилия. Впрочем,

эффект заявлений был сильно смазан тем, что они лицемерно были обращены к «обеим сторонам». ФПБ выступила официальным заявителем и организатором несостоявшейся акции «ябатеков» 25 октября.

Начиная с августа, начался и усиливается отток членов из казённых «профсоюзов». Немало вышедших присоединяется к

существующим демократическим профсоюзам или начинают создавать новые. Независимое профсоюзное движение представлено **Беларуским конгрессом демократических профсоюзов (БКДП)**, учреждённым в 1993 году. Его истоки – в апрельских забастовках 1991 года. Тогда вышли из казённой структуры и начали демократическую трансформацию два отраслевых профсоюза – работников автомобильного и сельскохозяйственного машиностроения (в настоящее время Свободный профсоюз металлистов) и работников радиоэлектронной промышленности (Профсоюз РЭП).

Там же корни двух профсоюзов, не отягощённых ВЦСПСовским наследием – **Беларуского независимого профсоюза** и **Свободного профсоюза Беларуского** (оба – межотраслевые). Был ещё **Свободный профсоюз транспортников**, разгромленный в ходе забастовки работников Минского метрополитена в 1996 году (в подавлении, увы, сыграли свою роль штрейкбрехеры из Москвы).

К началу событий БКДП насчитывал около 10 тысяч членов. Значительную часть которых составляли пенсионеры и уволенные работники. Конгресс и его членские организации находились под постоянным давлением и были лишены возможности создавать новые первичные организации. Дело в том, что в Беларуси, в противоречии с конвенциями МОТ, регистрация профсоюзов носит разрешительный характер. Для регистрации в органах юстиции обязательно наличие юридического адреса на предприятии. Предоставление такого адреса вполне ожидаемо влечёт не слишком весёлые последствия для слишком смелого руководителя. Стоит добавить, что в Беларуси существует административная и уголовная ответственность за создание незарегистрированных организаций и членство в них.

Понятно, что в таких условиях большинство первичных организаций БКДП были скорее кружками профсоюзного просвещения. Что напоминало ситуацию в Российской империи между 1907 и 1914 годами. В начале протестов руководство БКДП заняло довольно сдержанную позицию, воздерживаясь от прямых призывов к забастовкам. Однако представители руководства вошли в состав Координационного совета оппозиции, а члены демократических профсоюзов – в стачкомы на «Беларуськалии», «ГродноАзоте», Мозырском НПЗ.

В условиях общественного подъёма начался приток новых членов в профсоюзы БКДП. Кроме того, началась работа по созданию новых профсоюзов. В том числе в образовании и здравоохранении, ранее не затронутых независимой профсоюзной активностью.

Пока что ситуация остаётся неопределённой. Но уже можно сказать: даже если режим Лукашенко устоит и начнётся период реакции, общество всё равно изменилось. Как в своё время изменилось общество России после революции 1905–1907 годов.

«Ты хорошо роешь, старый крот!»

Павел Кудюкин, специально для «В кризис.ру»